

Вячеслав Дёгтев

Карамболь

2002

Последние два года майор Конищев жил как в сладком угаре. Жизнь опять обрела, кажется, смысл.

Он даже перестал замечать свое заикание, остаточные явления после контузии, как было записано в медицинских бумагах, в которых врачи не сулили ничего хорошего, заикаться он будет теперь уж, похоже, до самой смерти, потому что вылечиться вряд ли возможно, нужны огромные деньги, которых у майора не было и которые не предвиделись. И он плюнул на свой недуг, заика так заика, замкнулся в себе, в своей семье, в книгах, в бильярде. С женой объяснялся с помощью знаков, старался ни с кем особо не разговаривать, стыдно было читать в глазах собеседника не интерес, а сострадание или даже гадливость, да и не о чем было говорить особенно-то, жизнь сделалась серая, скучная и в общем какая-то беспросветная. Правда, в последнее время настоящая страсть появилась – бильярд.

Бильярд стоял в приемной начальника строительного управления, и по ночам бывший майор Конищев на нем играл, потому что являлся сторожем этой конторы. Каждое свое дежурство бывший зам. комэска отдельной вертолетной эскадрильи «Северного Альянса», которая подчинялась лично Ахмад-шаху Масуду и была укомплектована чернявыми «добровольцами» из стран СНГ, этот бывший «пес войны» распаковывал свой заветный кий, который сделал собственными руками, расставлял на зеленом сукне отличные арамитовые бельгийские шары (сто баксов пирамида!) и начинал отрабатывать стандартные удары различными штрихами, или, как принято выражаться среди бильярдных «академиков», – решать задачи.

С ним вместе, также по сменам, дежурили еще несколько отставников. Все они по ночам писали мемуары, днем посещали всевозможные литобъединения, которыми руководили алкаши-неудачники, слушали их бред. Ничего, кроме легкого презрения, у майора эти их занятия не вызывали. Ему становилось стыдно, как только он представлял, как дюжий полковник, командовавший в Афгане полком «Сушек» и стеревший с помощью своих «Грачей» с лица земли десяток кишлаков и отправивший на тот свет с полтысячи «правоверных», среди которых добрая половина была совершенно невиновна, пишет что-то очерко- или рассказообразное и приходит в журнал или газету, сюсюкает перед надменной секретаршей и униженно предлагает свой опус какому-нибудь очкастому, сутулому, лохматому «сотруднику», который и в стройбате-то не служил, заискивающе заглядывает тому субъекту в глаза, поддакивает на его откровенно хамские высказывания по отношению к армии – чтоб только напечататься. Потом издает книжонку за свой счет и навязывает ее встречным-поперечным, которые над книгой откровенно смеются и выбрасывают ее в ближайшую урну...

Так этот полковник хоть воевал, остальные же не только не воевали и не летали – шаркали на штабных паркетах. Нет уж, решил Конищев, увольте. Лучше уж шары катать. Хотя рассказать, конечно же, потомкам было что. Особенно о последних четырех годах, когда утюжил он на своем «крокодиле» афганские ущелья под флагом вчерашних врагов-душманов, воюя против талибов. Пока не перевели на Кавказ. Где сбили чуть ли не в первую неделю. И дальше началась совсем не занимательная

история, а скорее – ужасная. Легче всех отделался он, пилот и командир, – после контузии заикой стал, но остался жить. Про остальных членов экипажа приходится говорить теперь, увы, лишь в прошедшем времени...

С тех пор он не может спать по ночам – его мучают сновидения, которых бы лучше не видеть. Стоит лишь уснуть с вечера, как он видит нескольких бородачей, которые ведут их, окровавленных и оборванных, по грязной, выложенной диким камнем улице. Улица запружена народом – откуда тут, в горном ауле, или, как стыдливо выражаются местные, «селении», столько народа? Плодятся, черт возьми, как тараканы. А впрочем, правильно делают. Скоро они своей биомассой вытеснят наш слабый, вырождающийся этнос куда-нибудь к Белому морю, в леса и болота. Особенно беснуются женщины. Какие женщины? Фурии! Стервы. Дикие кошки. Да еще мальчишки. Эти уже и по-русски не понимают, кричат: «Урус! Урус! Шайтан! Хрюшка!»

Вас ведут к главной площади «селения», к майдану. У старшего конвоира нос как вислая слива, а между бровями большая черная родинка-бородавка. Бабы визжат, мальчишки кидают в вас камни и засохшую грязь. Чтож старики-то молчат? Впрочем, когда народы безумствуют, мудрецы безмолвствуют. А теперь и подавно, у каждого тут взгляд сейчас калибра 7,62...

Вот кого, их женщин, надо уничтожать в первую очередь, или стерилизовать на худой конец, – они наплодят новых разбойников, новых бандитов. А наши прокуренные, пропитые, общедоступные самки только и способны, что «грузить» тебя своими «женскими» проблемами. Странно, помимо воли вспоминается, как говорил один врач, что у этих женщин, из аулов, не бывает «женских» болезней, потому что тут нет такого понятия, как супружеская неверность. У того врача лежала с отеками беременная чеченка на седьмом месяце, девятым ребенком. Врач говорил ей: нельзя, дескать, рожать, можешь умереть; она спокойно на то отвечала: мужчина сказал: рожай; а умру – значит, так угодно аллаху. О чем же думает твой мужчина? – всплескивал руками врач. На что женщина отзывалась: старейшина сказал: родине нужны воины.

На площади вас подводят к нескольким врытым в землю заостренным колам и поворачивают лицом к толпе...

Потому и не спит по ночам майор, а старается засыпать лишь под утро. Под утро кошмары не снятся. А все ночи напролет майор или читает, или, когда выпадает дежурство, играет на бильярде.

Вот и сейчас он выставляет на зеленое сукно несколько шаров, записывает в тетрадь: «Упр. № 33. “Карамболь”» – и начинает отрабатывать удары карамболом. Первые удары, естественно, неудачны. И вторые, и третьи, и пятые, и десятые. Лишь где-то на третьем десятке начинает что-то такое вырисовываться, похожее на карамболь. И это нормально. Недели две уйдет, не меньше, на то, чтоб стало получаться где-то в пределах восьмидесяти процентов.

Карамболь – едва ли не самый сложный удар. При котором биток, коснувшись одного прицельного шара, ударяется о другой и кладет того в лузу или сбивает карамбольную фишку. Удар очень сложный и очень строгий. Что-то вроде выстрела из винтовки с кривым стволом: стреляешь в одну сторону, а попадаешь совсем в другую. Удар мастера. Какому-нибудь начинающему «хлопушке», а то и поигравшему и уже набившему руку «пассажиру» даже в голову не придет делать такого шара. Чтобы подняться до абрикостей и карамболов, нужно научиться мазу ставить и катить налево,

держат «своего», узнать винты и перебросы, научиться резать «француза», а не только пробавляться подставками да отыгрышами, как обыкновенно играет большинство посетителей каждой «академии».

Бильярд в приемной большой, что называется, «полный» и очень «строгий», с новеньким, плотным сукном, которое пришлось даже прогладить утюгом, чтоб было не такое вязкое. Лузы у этого стола «строгие», как бывают лузы только у русских бильярдных, борта упругие, «звонкие», удары на этом столе получаются гибкие и изящные. Красивые удары вырисовываются. Всеми доступными штрихами. Майор уважает тех, кто играет щегольски, красиво, уделяя много внимания смелости и дерзости удара. Такая игра всегда приводит зрителей в восхищение, и, когда заходит такой игрок в прокуренную академию, меж присутствующих пробегает восторженный шумок: смотри, такой-то! – но, как правило, партии эти отчаянные ребята продувают. Проигрывают тем неприметным, серым личностям, у которых удар вовсе не эффектный, но тем не менее результативный, или, как говаривали в старину, – коммерческий.

Однако именно и только среди этих смелых, дерзких ребят и появляются так называемые «артисты». Майор видел одного такого в Москве – на всю жизнь запомнил его игру: тот ударил шесть раз, положил восемь шаров. И каждого шара клал под заказ, совершенно точно, игра была чистой во всех отношениях, без подставок и без «дураков». Причем выиграл он у чемпиона Москвы какого-то года. Да, в бильярде «чемпион» порой ничего не значит: одни тут зарабатывают меж собой титулы, а другие просто живут с игры. Тут до сих пор, как в прошлом веке среди профессиональных борцов, – тоже есть свой «гамбургский счет». Поэтому, когда Конищев спросил, кто был этот чудесный игрок, «обувший» чемпиона, маркер пожал плечами и сказал, что какой-то Паша Бутовский, а как зовут его на самом деле – кто ж тебе скажет?.. Эти ребята себя не афишируют: приезжают, срывают куш и опять в тину. Тренироваться. Ибо всякий талант требует к себе самого серьезного отношения и не прощает, когда его разменивают; а потому – не дешеви!

Да, похоже, это про такого написал в свое время Леман: «Артист как возьмется за кий, так, значит, и начинай новую партию».

Анатолий Иванович Леман тоже был отставным офицером. Он тоже служил, лет сто тридцать тому назад, по таким же глухим местам, где, как говорится, макар телят не пас. И, как все офицеры, тоже поигрывал на бильярде. И не просто играл, а постигал закономерности игры. О чем впоследствии написал книгу – «Теория бильярдной игры». Книга выдержала несколько изданий, последний раз напечатана была в 1906 году. В ней, кроме текстов, приводились «задачи», которые надобно «решать» ежедневно, занимаясь по несколько часов, чтобы стать классным игроком. С тех пор книгу не издавали ни разу – многим, видно, не хотелось, чтобы посторонний человек смог самостоятельно научиться хорошо, классно играть. Ходили слухи, что в свое время эту книгу скупали целыми партиями и сжигали. Но у майора Конищева жена работала в библиотеке, в отделе редких книг, и она смогла сделать ксерокс с этой книги. Конищев проглотил ее за ночь, как в свое время «Робинзона», и для него после этого началась новая жизнь.

Вот что писал Леман об этапах мастерства: «Самому способнейшему игроку необходимо не менее 4 лет усердной игры, чтобы достигнуть известной силы (игра большей части маркеров на их бильярдах). Затем нужно два-три года серьезной игры на интерес, чтобы превзойти маркеров».

Первоначальная подготовка у Конищева была, в своей эскадрилье он запросто «разувал» даже Ахмета-узбека, а тот был весьма недурным игроком. Но оказалось, что примерно на таком же уровне играет большинство завсегдаев городских академий.

«А для того чтобы стать действительно артистом, – продолжал Леман, – для этого необходимы, кроме обыкновенной игры, ежедневные упражнения соло, подобные гаммам на скрипке и рояле... Надо ежедневно посвящать не менее часа специальным упражнениям, играя только своим кием на одном и том же бильярде. Эти упражнения должны состоять в делании шаров всеми штрихами, в изучении отыгрыша и выхода...»

После прочтения этой книги майор загорелся, в жизни его опять появился некий высший смысл, он решил стать бильярдным артистом, асом, каким был когда-то в авиации, дерзким, неуправляемым, высокомерным, почему и не задалась ему карьера начальника, зато он был летчиком-асом, а не просто «водилой крокодила», его знали и друзья, и враги, потому и звали полуиронично-полууважительно – «Конедуб».

Чтобы забыть свои ошибки в прошлом и идти делать новые, нужна смелость – майор был из таких. Он знал, что никто ничему никого не научит, пока сам не поймешь то, что нужно. А чтобы что-то создать или чего-то достигнуть, нужно чем-то быть, что-то из себя представлять. Коль уж летать больше ему не суждено, значит, он сделается бильярдным асом. Свободным охотником. Если угодно – художником. Артистом. Он верил, что добьется своего, – ведь к чему стремишься, то тебя и ждет. Тем более что бильярд у него был. Хороший, новенький. Нужно было только сделать соответствующий столу кий. И он взялся его, тот кий, изготовить.

Кий склеивается из брусков-клиньев. Дерево должно быть выдержанным, сухим, звонким, как фарфор. Брусочки складываются под конус, вилочкой, склеиваются, выдерживаются под давлением, а уж затем вручную обрабатываются, полируются, отцентровываются. Классический, элитный кий должен быть равен весу трех шаров. Делается он из мореного дуба, черного, эбенового или красного дерева, палисандра, лаосского лима, мирбау и кантоса. Лучшие кии были у мастера Чемоданова, он делал кии для Кремля, для Сталина сделал пару бильярдных столов (один с Дальней дачи увезли после смерти вождя в Грузию, где он и пропал бесследно), делал кии для маршала Малиновского, тот был лучшим игроком среди кремлевских обитателей, недурно играли чемодановскими киями и Ворошилов с Коневым... А Буденный даже предисловия писал к статьям о бильярде, считал, что это очень хороший спорт для красных командиров, и в шутку говаривал: «Бильярд – это вам не шахматы, – тут думать надо!»

Дорогие сорта дерева используют вовсе не для красоты – кий должен обладать особой амортизацией, особенно его ударный конец, который делается обычно из канадского клена или граба. Но где же достать все это экзотическое дерево? Однако, как известно, голь на выдумки хитра. В одном месте раздобыл несколько паркетин из красного дерева, в комиссионке увидел старинное трюмо, инкрустированное палисандром, выкупил, палисандровые детали на обычные заменил, а те пустил на кий. Гриф от старого контрабаса увидел на свалке – а это черное дерево, – сюда его! Через некоторое время у него образовалось не один, а целых три кия. В старину про таких говорили: настоящий мужик, топором мыслит. Два кия, которые похуже, продал, а третий, самый удачный, разборный, хорошо отцентрованный, себе оставил. Хоть и предлагали за него хорошие деньги – пятьсот баксов, между прочим, почти как за

чемодановский. Кий весил 725 граммов, ровно по весу трех шаров! Конищев уж даже подумывать стал: а не заняться ли, грешным делом, изготовлением киев. Выгодное дело. Но уж больно хлопотное. Хотя, казалось бы, что тут такого особенного – просто ровная, отполированная палка!

Но как-то ему приснился сон, где он опять видел площадь-майдан, и посреди площади несколько ровных, чисто оструганных и хорошо отполированных сосновых колов, острия которых покорно полировали наждачкой несколько оборванных рабов, и увидел своих товарищей, бледных и оцепенелых, и охранников, тоже растерянных, но хорохорящихся, особенно тот, который с родинкой меж бровей, и себя самого, сжавшегося и уменьшившегося от ужаса увидел; а потом увидел на колу борттехника Володю Гуча, кричащего и сучащего ногами, и после этого все стало казаться нереальным, недействительным и как бы в кино, как бы со стороны, а потом и сам почувствовал, как подхватывают под руки и со смешком говорят: «Тебе, командир, мы дадим возможность пожить подольше и увидеть смерть всех своих подчиненных, тебе мы кол не сильно заострили, ты дольше всех проживешь, может, дня два, а может, и три, они же умрут скоро, и ты увидишь их смерть», – и тебя взгромождают на кол, стоящий отдельно, поодаль от остальных, лицом к ребятам, и после страшной боли ты видишь себя сучащего ногами, как бы сверху видишь и со стороны, и мелькает мысль: что, уже все? душа уже отлетела? – так думаешь ты с облегчением и благодарностью за столь краткие мучения. Но лишь только мелькает такая счастливая мысль, как ты видишь все уже натурально, словно бы совершенно трезвыми глазами. Странно, но тебе теперь совсем и не больно, лишь очень жарко, и уже ничего не чувствуешь, ничего не ощущаешь, кроме головы, которая живет как бы сама по себе, сама одна как бы и живет и еще способна думать! Сколько там осталось? Тот, с бородавкой, сказал, что около двух суток? О Боже, бездна времени, пропасть мучений! И в тебе помимо воли, тоже как бы само собой, звучит молитва:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистой Твоей Матери и всех святых помилуй нас. Аминь.

Кто-то из стоящих рядом «зверей» гогочет: посмотрим, спасет ли, помилует? Вон, один из ваших собак уже доходит... Ишь, ногами-то как задрыгал!

Этот сон странным образом связался у Конищева в мозгу с кием, и он понял, что делать кии больше не будет, хоть какие деньги пусть сулят, тем более что и времени свободного не особенно много – в последние месяцы майор стал выезжать куда-нибудь в райцентры или соседние областные города поразмяться, «похлопать».

Да, он приезжает, находит местную академию, где собираются самые крутые местные «пассажиры», и там разыгрывается история, похожая на ту, которая разыгралась в нашем городе много лет назад, перед войной, когда из Ленинграда выслали к нам Заику, знаменитейшего «артиста». Он был настолько знаменит, что с ним играли Киров и Жданов, катал шары Ворошилов (недурной был игрок) и даже будто бы возили его к самому отцу народов... Его раза два снимали в кино. Кто помнит фильм «Возвращение Максима» – там показана классная бильярдная игра, – так то играл как раз Заика.

После убийства Кирова из Ленинграда выслали все антисоциальные элементы: шулеров, сутенеров, проституток, маркеров, воров-карманников и прочие «свободные профессии». Замели и Заику. Не учли прежних заслуг... Выслали в наш город, который тогда был еще более провинциальным и захолустным. Самая центровая бильярдная

находилась тогда во дворце «Динамо» (сейчас на этом месте кинотеатр «Спартак»). Туда-то и заявился как-то деревенский мужик, в кирзовых сапогах, в фуфайке, с мешком, в котором лежала коровья голова. Мужик посидел возле двери, подивился на играющих, порасспрашивал, заикаясь, о правилах игры. Сам рассказал, между прочим, что только что с базара, продал вот, дескать, корову и хотел бы поразвлечься. Ему дали в руки кий, показали, как бить: давай, дядя, развлекайся. А сами, аки волки голодные, стали плотоядно переглядываться и занимать друг за другом очередь: кто за кем играет с этим колхозным ванькой, все почуяли легкую поживу.

Первым стал играть с ним Шланг, дав ему пять шаров форы. Второй, у которого кличка была и вовсе Шерсть Дыбом, встрял: дает, мол, семь шаров форы. Игра началась.

Часам к трем утра все эти так называемые академики поняли, что они никакие вовсе не академики, а просто черт знает что. Все они проиграли этому нечесаному «колхознику». Всех их он обчистил в прямом смысле этого слова. И только когда он ушел, вскинув на плечо мешок с коровьей головой, кто-то из проигравших робко предположил, еле слышно брякнув: ребята, а не Заика ли это нас посетил? Над ним стали смеяться, все знали, что Заика живет в Ленинграде, чуть ли не в Смольном, играет с наркоманами, спит на бархате, ест с серебра.

Но тогда кто же этот заикающийся проходимец? Все на это лишь чесали в затылках. Но недолго...

Вот так и появился в нашем городе знаменитый Заика. Примерно такой же фурор производил сейчас и майор Конищев, когда молчком появлялся в каком-нибудь провинциальном, районном ночном клубе и «делал» всех подряд. Он старался играть быстро и жестко, без отыгрышей, пустых, безрезультативных ударов, памятуя, что отыгрыши сбивают с кия, то есть вредно влияют на прицел и точность, поэтому игру не затягивал, старался не особо «закатывать» шара.

На этих гастролях, как он сам их про себя называл, он отрабатывал до мельчайших штрихов коммерческий удар, ровный, профессиональный, хотя и не особо эффектный. И старался искоренять в себе удар нищенский, слабый и неэффективный.

Кто-то пустил слух, что воскрес Заика. А что остается думать, когда появился вдруг некий таинственный, мрачный, загадочный заика, который разувает-раздевает всех подряд? Конищев не разубеждал их в этом. Чем больше разговоров, самых вздорных, тем лучше: рекламы много не бывает...

Он приезжал в райцентр, делал под орех местных «хлопушек» и «пассажиров» – настоящих «академиков» там, как правило, не бывало, – срывал куш и молчком удалялся. Чувствовал, что мастерство и кураж его раз от раза растут. Игроки уже встречали его затаенным враждебным молчанием. А зрители – оживлением, а иногда овациями. Как в свое время – знаменитых гладиаторов. Но он не переоценивал себя. Он продолжал учиться. Упорно. Настойчиво. Каждый день.

Леман писал и по этому поводу: «Следует искать игроков все большей и большей силы и играть с ними без форы. Форы очень развращают игроков, всегда понижая качество игры... Специальные упражнения должны состоять из ряда трудных ударов, причем переход от одного к другому должен быть сделан только после известных успехов. Эти упражнения в связи с игрой с серьезным противником разовьют талант молодого игрока, который тогда приобретет известность. Его имя будет произноситься

с уважением в кругу настоящих игроков, его появление будет встречено с оживлением и вниманием».

Конищев вкусил уже этой сладкой славы. Отставники, с которыми приходилось дежурить, не давали в последнее время проходу, приставали: не о тебе ль, дескать, разговоры идут: мол, появился какой-то бильярдный монстр, чернявый, молчаливый и притом заика. Конищев неопределенно отмахивался от этих бывших полковников, выродившихся на старости лет в заурядных графоманов. Когда они собирались, их посиделки напоминали сборища старых истеричных баб, они вздыхали-всхлипывали о новой и опять бездарно ведущейся войне, называя ее «братоубийственной». Это гдеж они там братьев-то нашли? Среди тех, кто головы режет, что ли? Да, политкорректность, кажется, сгубила не только наше общество, но и нашу армию: что это за полковник, который бандита, вслед за телеобщечеловеками, называет «сепаратистом»? Который ни разу, ни одного дня не был на настоящей войне и ни разу не выиграл ни одного боя и даже ни разу не стрельнул в живого врага? Майор лишь досадливо фыркал на все эти стенания отставников и уходил. Они считали его радикалом и грубияном. Солдафоном. Ну так что ж...

На войне ему приходилось вести совсем другие разговоры. У многих там открывались глаза на жизнь. И те ребята все начинали видеть в ином свете. Что вот лезем мы ко всем со своей «духовностью» и своими родственными чувствами – мол, братья-славяне. И два раза ввязывались в войну из-за них, и всякий раз в обоих мировых войнах эти лобызаемые нами «братушки» воевали против нас. Те же болгары, поляки и чехи каких-нибудь турок ставят гораздо выше нас, «братушек». А перед немцами они просто раболепствуют. То же самое и на Кавказе, в Средней Азии и в Афгане. Везде русский и всякий другой «белый» человек испокон веков был обеспеченный человек, господин. И всякий из туземцев, кто восставал против такого положения дел – долго не жил. Но как только мы уравнились с туземцами, со «зверьями», как их зовут во всех республиках, не разбирая наций, так они нас же и стали презирать. Мир не признает «братства», тем более на Востоке. На свете всегда есть отношения лишь господина и раба – в разных, порой очень сильно завуалированных вариациях. Иного, по видимому, не дано. Не захотели (или не смогли?) быть господами в Афгане – нас выбросили. То же произошло на Кавказе. Никакого «братства» тут не получится – не тот менталитет народа. Да и какое может быть «братство», когда у нас нет никаких общих точек соприкосновения – ни религиозных, ни кровных, ни языковых, никаких, кроме тридцати лет относительного мира в позднесоветскую эпоху. Все остальное время они вели с нами перманентную войну...

Один чечен говорил, что раньше его дед не знал русского языка, кроме трех слов, самых для него страшных: «Царь – билат, казак – билат». А сейчас они вообще никакую власть не боятся, а казаков презирают.

Вот о чем вели разговоры между собой ребята из экипажа Конищева. Эти разговоры возникали меж летчиками и ГРУшниками, саперами и ОМОНовцами. Днем, когда палило солнце, и ночью, когда в небо летели искры костра и перемешивались там со звездами. Последнему солдату все было ясно, лишь только начальство неизвестно чем думало...

Нужно смотреть правде в глаза: долготерпение – добродетель ослов, а трусость никого еще не спасла от смерти. На планете Земля незаметно началась глобальная религиозная война. Война между мусульманским миром и христианским. И Россия сейчас на самом острие этой борьбы.

Мусульманский мир будет побеждать, как бы мы ни хорохорились. Он будет побеждать потому, что в их семьях по пять здоровых детей, а у нас по одному, и те больные, ибо с чего же нашему ребенку быть здоровым, если рожден он, как правило, после трех абортотв? Потому что у них – полигамия, а это значит, что дают потомство наиболее сильные, агрессивные, воинственные и предприимчивые мужские особи.

Ход истории показывает, что ислам оказался более жизнеспособной идеологией, идеологией агрессивной, наступательной. «Непротивлением» невозможно противостоять злу, ему можно противопоставить только адекватные меры. Восток признает только силу, он преклоняется перед напором. Раньше говорили: Богу молиться – победы не добиться, только у труса надежда на Иисуса. В сорок четвертом году чеченцев выселял нарком ЧИАССР в чине капитана НКВД – и он решил эту проблему без единого выстрела, за двое суток, и настолько блестяще, что мы сорок лет даже слыхом не слыхали о каких-то там чеченцах.

И самое главное, что мы сейчас пока еще не способны хотя бы осознать свою слабость и дать ей соответствующую оценку. Мы упиваемся своей беззубой «духовностью», а также «прогрессивностью» и «развитостью», а в Москве миллион одних только азеров, Париж уже наполовину «цветной», Берлин – на треть мусульманский, и все эти города ждет участь Косова, дело времени...

Вот о чем говорили меж собой ребята на войне, а эти толстые, не воевавшие полковники писали мемуары о том, как они подносили бумажки в штабах и как выбивали себе всевозможные льготы. Они шли в армию не для того, чтобы умереть в первых рядах, а чтобы уйти на пенсию в сорок... Неприятно было с ними общаться майору Конищеву, который потому и не поднялся выше майора, что был строптив и упрям. Он ничего не мог с собой поделать – противно! Раньше ему было легче, раньше у него был зеленый камуфлированный «крокодил», с тремя пушечными турелями, с шестью кассетами ракет, и он мог как-то по-своему влиять на мир, как-то отстаивать свои убеждения, а сейчас у него не было ничего, кроме нищенской пенсии, на которую и себя-то прокормить было проблематично. Потому и решил он сделаться хотя бы относительно независимым от этого прогнившего, лживого мира. Он решил стать асом. Охотником-волком. Бильярдным артистом.

Его не устраивала роль маркера – уж на маркера-то он тянул определенно. Нет, это его не устраивало. Хотя Леман хорошо отзывался о маркерах – о тех маркерах, которые были в его время.

«Бильярд развивает характер, что очевидно опытному наблюдателю. Старый и превосходный бильярдный игрок – философ, стоик и знаток сердца человеческого. Он осторожен и тверд. Он редко чему удивляется, он пронизателен и памятьлив. Он добродушен, его разговор исполнен неподдельного юмора.

Сравните маркера и лакея. Маркер в громадном большинстве получает 7–9 рублей жалованья, лакей 15–20. Маркер читает книги. Маркер сохраняет всегда собственное достоинство, вежлив, предусмотрителен и вовсе не раболепен, как лакей. Что же облагодородило маркера? Бильярд!»

Да, даже старина Леман восхищался маркером. Но – противопоставляя его лакею. Поэтому карьера маркера и не устраивала Конищева. Он решил стать свободным стрелком. Артистом. Он уже мог закончить партию с кия, то есть положить восемь

шаров в лузу с одного захода, мог, если расслабиться, выиграть пару партий подряд всухую, то есть со счетом восемь–ноль. Но все равно до настоящего мастерства было еще далеко, потому Конищев и не светился в городских академиях, пробавлялся провинциальными. Он помнил китайскую мудрость: если тебе предстоит сделать десять шагов и ты уже сделал девять, можешь считать, что половину пути ты уже одолел... Особенно ярко свое несовершенство он почувствовал, когда увидел игру одного проезжего артиста. Тот ехал на юг и на день остановился в нашем городе, дал гастроль. Он мог делать фокус, который показывал, говорят, в свое время француз Перро. Он бросал шар на середину стола, закручивая его так, что шар с огромной скоростью вращался, стоя на одном месте. Точно таким же образом он бросал второй шар. В течение целой минуты оба шара вращались на месте – один подле другого. Вращались в разные стороны! Затем, с потерей центробежной силы, шары начинали описывать круги, похожие на вращение волчков; шары делались словно бы пьяные. И наконец шары касались друг друга и, чокнувшись с сухим треском, разбегались. После чего, описав параболу, катились к протянутым рукам мастера.

Это был настоящий класс! Естественно, имя этого игрока не фигурировало ни на каких спортивных турнирах – он не соревновался ни с кем, он просто жил со своего мастерства. Майор потерял после этого покой, и его достижения показались настолько скромными, даже ничтожными – просто детский лепет какой-то, да и только.

Но после месяца упорных тренировок у Конищева стала получаться наконец и эта французская оттяжка. Воистину, везет тому, кто везет... Он был настолько рад этой победе, что не утерпел и пошел-таки в ближайшую академию, чтобы продемонстрировать народу этот фокус: знай, дескать, наших! Он небрежно взял в руки кий, бросил шары, и оттяжка у него получилась безукоризненно. Зрители оцепенели. Но у майора хватило ума сделать вид, что получилось это у него случайно. Он засуетился, заизвинялся, они засмеялись, списывая на случайность.

Майор поспешно удалился. Но слава о нем поползла по городу. Вскоре какой-то умник вычислил таинственного заику, о котором только и было разговоров в последнее время по самым занюханым академиям. Конищева стали под самыми разными предложениями зазывать в бильярдные, пытаясь втянуть там в игру. Майор благоразумно уклонялся от приглашений поиграть, считая, что еще рано, он лишь сажился в уголок и наблюдал за публикой. Публика, казалось, не изменилась со времен Лемана.

Вот что писал о завсегдатаях бильярдных Анатолий Иванович: «Игроки, предпочитающие смелую, блестящую игру, основанную исключительно на верности глаза и точности удара, всегда предпочитают пятишаровую партию. Таковы были наши знаменитые воронежские, тамбовские и курские ремонтеры, являвшиеся в бильярдную с трубкой в зубах, с человеком позади, обремененные кisetом, “любимым кием” и лягашом на цепочке. Таковы, впрочем, и замоскворецкие толстосумы...»

До сих пор вспоминают, как играл граф Орлов-Чесменский; что первым по игре в девятнадцатом веке был генерал и писатель Скобелев, дед прославленного полководца, он любил катать шары в «Сибирку», так называлась тогда «Московская пирамида»; вторым по игре был генерал Бибииков, потерявший под Бородином левую руку. И про Заику ходят, как говорят тут, «мульки»: будто бы играл он как-то с одним высокопоставленным тузом и выиграл у него всухую. Второй раз чиновник успел забить один шар. Заику толкают в бок локтем: похвали, мол, хорошо играете. Заика и

похвалил, сказав, что рост мастерства налицо, вторую партию вы, дескать, сыграли лучше первой. Чиновник был польщен.

Все тут имеют клички. Самые невероятные. Злодей, Булочка, Бетховен, Турчонок, Тюря, Жук, Левка Часик, Графский, Мурманский и черт те как еще не называют они друг друга. Есть среди них и дамы. Мягко говоря, своеобразные. Которые не уступают мужчинам в упертости и преданности игре. Ну, давно известно, что всякая болезнь у дам имеет более ярко выраженное течение.

Майор не собирался вступать в игру – он решил потянуть еще полгода-год. Но тут неожиданно приехала в наш город делегация из «братской» и «солнечной» Ингушетии. По проспекту стали очень гордо расхаживать чернявые джигиты в каракулевых папахах, носиться на джипах по тротуарам – они чувствовали себя у нас хозяевами, будто в покоренном городе. Трое из них зашли как-то в академию. У одного из них нос был как слива, а на лбу, между бровей, большая висящая родинка. У майора все поплыло перед глазами.

И он с чудовищной болью пережил то, что было с ним в тот страшный день, пережил весь тот ужас, просторный и бесконечный, как бессонница, когда все вдруг озаряется осянным светом и ты видишь пыльную площадь, и БТРы, въезжающие на майдан, и редких людей, и нескольких застреленных собак, лежащих там, где они ждали, и ваши раскоряченные тела, с поникшими головами и разведенными крестом руками, и понимаешь, что помощь запоздала, но тебе уже ничего и никого ничуть не жаль, ни на кого ты уже не держишь зла, ты понимаешь вдруг, что жизнь – это такая несусветная тщета, состоящая из бесконечной суеты и ее разновидностей, что впереди тебя ждет встреча с вечным светом, с вечным покоем, и ты устремляешься, радостный, освобожденный, к этому вечному свету, к этой предвечной гармонии, которая уже переполняет тебя своей чудной мелодией, и вся грязь, вся кровь, ненависть, друзья с БТРами, враги бородатые, лежащие в пыли, откуда-то появившиеся врачи – все остается там, на странной, на грешной земле... Но тебе не дают уйти, не дают раствориться в вечном покое, тебя неумолимо влекут назад, вниз, а тебе хочется вверх, вверх, вверх! Но ты не можешь ничего сказать, лишь мычишь... Ах, если б знали, как не хотелось, как не хотелось тогда возвращаться!

Человек с вислым носом и с родинкой между глаз несколько раз сыграл, и довольно успешно. Он выигрывал, похоже, не потому, что играл хорошо (а играл он, пожалуй, получше маркера), а скорее потому, что его просто побаивались. Играя, он громко разглагольствовал о своих гордых вайнахах и презренных русских.

– Все русские бабы – билат. Каждый вечер имею новую джяляб. Мужчин у вас нет. Или ишаки, или валухи. Сами шею подставляют...

Часто бывает, что мертвые открывают глаза живым. После третьей партии майор подошел к южному «гостю» и долго стоял у него за спиной, тяжело глядя ему в затылок. Тот повернулся, смерил Конищева злым, насмешливым, презрительным взглядом, угадал его, сомнений в этом быть не могло, ведь кого казнишь, тот и есть твой палач, и спросил:

– Что, брат, знакомого встретил?

Конищев выдержал его взгляд и протянул записку – не хотелось заикаться при нем, не хотелось читать в его глазах еще большую жалость и большее презрение. На бумаге

было написано: «Давай сыграем на твой джип». Человек с родинкой не смутился, прочитав такое дерзкое предложение. Хотя скулы его покраснели, а глаза сузились.

– Но у тебя же ничего нет. Вы все тут – нищие. Ты-то что поставишь против моего джипа?

Майор перевернул бумажку. На обороте было написано: «Свободу. Буду твоим рабом, если проиграю. Вы же любите рабов».

– Да, мы вас любим, – осклабился с родинкой, недобро блеснув шоколадным глазом. – Из вас они, эти самые, хорошие получают. Слабые народы – миролюбивы...

Все движение в академии прекратилось. Все сбежались в кучу и затихли, устремив взгляды на майора и его соперника. Играть решили три партии. В американку. Поставили треугольник. Кинули жребий. Разбивать пирамиду выпало человеку с родинкой. Он ударил, разбил пирамиду и закатил свояка, а также сделал самому себе две подставки; добил обоих. Четвертый удар оказался у него неудачным. Отыгрыш.

Конищев ударил от центральной линии винтом по битку, отчего биток завертелся и загнал в лузу, причем в срединную, очень строгую лузу, шар, который туда ну никак не должен был войти. Но шар вошел.

Шар лег в лузу, а биток стал под выход, и майор ударил опять, и опять заведомо непроходной шар: прицельный шар ударился о борт, отразился и легко закатился в противоположную, срединную лузу. Это был классический дуплет. Таким приемом в этой довольно захудалой академии не обладал, кажется, никто, поэтому удар вызвал среди глазееющей публики шум одобрения. Все радостно загомонили, предчувствуя красивую игру, и словно ток какой-то прошел по всем закоулкам здания – в зал повалил вдруг народ: охранники, уборщицы, какие-то солдаты, мужик с канарейкой, мальчик с авоськой, какие-то вообще посторонние люди.

Лишь только шары остановились, как майор показал еще более сложный прием: от задней линии ударил по стоящему у борта шару в верхнюю правую его полусферу, и он, отогнав стоящий возле срединной лузы шар, ввинтился против часовой стрелки в угловую лузу. Удар вызвал аплодисменты.

Лишь только шар остановился, Конищев послал биток в борт; отразившись, биток загнал в лузу еще один шар; это был абриколь, и этот удар тоже вызвал восхищение.

Лишь только шар остановился, майор ударил накатом, и в одну лузу закатил сразу два шара. Ну, это не сложно, так могли делать и некоторые даже хлопущки из этой академии. Ничего удивительного и ничего особенного.

Майор тут же ударил с оттяжкой: биток, загнав шар в срединную лузу, отразившись, закатился в противоположную.

Лишь только шар ударился в сетке о другие, как кий майора опять щелкнул.

Биток хлестко ударил по шару, и тот влетел в лузу, а биток остался стоять на месте. Кто-то сказал вслух, что это называется «клапштосс», и Конищев подтвердил это кивком, закончив партию с кия.

Черные, усатые чужаки переглянулись между собой недобро. Тот, который с родинкой, опять бросил жребий, и опять разбивать пирамиду выпало ему. И он опять разбил пирамиду очень грамотно и опять забил с кия три шара подряд, а на четвертом отыгрался – положение шаров было уж очень невыгодное.

Конищев прицелился и уже чуть было не ударил, как его соперник вдруг громко сказал:

– А ведь я тебя помню, командир!

Конищев ударил – ударил с киксом, с проскальзыванием, и потому промазал. Он ничего не ответил. Слишком многое стояло на кону.

Его соперник ударил вдоль продольной линии и забил. Ударил еще и забил еще. Ударил в третий раз и смазался.

Конищев долго ходил вокруг стола и не бил. Перед его глазами стояли заостренные, гладко отесанные, отполированные, как гигантские кии, сосновые колы, и на них были нанизаны его ребята, члены его экипажа, они корчились в предсмертных муках и уже не кричали, и сейчас он видел их всех, по очереди, как в кино, и ничем, ничем не мог им помочь. Его кол был самый тупой, он должен был прожить, по замыслу мучителей, дольше всех и увидеть их мучения и смерти. И он прожил после этого уже целых три года и ничем им не помог...

Души его погибших друзей взывали сейчас к нему. Они взывали к отмщению. Он явственно слышал их голоса. Потому и не мог сосредоточиться. Наконец ударил. И загнал свояка.

Ударил еще и положил широким, размашистым, «ярославским» накатом еще одного шара.

Биток стал под выход, и майор от задней отметки, через весь гектар, легко сделал еще шара.

Лишь только шар остановился, майор резанул «француза»-боковика, и очень удачно, даже вызвал хлопки зевак.

Майор разошелся, разыгрался и сделал круазе, разновидность дуплета, при котором прицельный шар, отразившись от борта, пересек линию движения битка и закатился в лузу.

Майор резанул, загнал хорошо закрученного «дурака» и получил еще фукса, совершенно непредвиденный шар, который неожиданно закатился – неожиданно даже для него самого. Народ восхищенно зашумел. Майор посмотрел на своего противника – тот стоял бледный и водил большим пальцем себе по горлу. Да, змея меняет шкуру, но не меняет натуру... Перед глазами майора опять всплыли лица мучающихся ребят. Ах ты, сучара!

Майор со злостью сделал последний, партионный удар, послал красивого, эффектного дуплета от трех бортов в угловую лузу, после чего поставил турник кия на порядком вытертое, «лысое» сукно стола. Третью партию играть уже не имело смысла.

– Все, зверь! – сказал он совершенно отчетливо, снимая с левой руки трехпалую, измазанную мелом перчатку. – Гони ключи от моей машины.

Проигравший выругался по-своему и, злобно сверкнув желтыми, рысьими глазами, швырнул ключи на стол.

– Помнишь ребят? – спросил майор. – Продам джип и памятник им поставлю. А играешь ты хреново!

Зрители оживленно гомонили, поздравляли майора, как-то забыв, что он заика, что почти не разговаривал, лишь на бумажке писал, никто не обратил, кажется, внимания на то, что произошло чудо – Конищев заговорил. Кажется, что он и сам не заметил этого – в суете и горячке.

Видно, Господь снизошел до него. Похоже, кто-то из погибших ребят-мучеников вымолил для своего командира эту Божью благодать.